

Мир утопал в девственной белизне. С карнизов мерно падали капли, преломляя лучи золотого солнца и рассыпаясь мириадами ослепительных искр. Теплый свет проникал сквозь прорехи в ветхих ставнях, ложась на плечи юноши. Тот бережно покачивал младенца, и в этой простой сцене сквозило почти неземное умиротворение.

Лин Сяо держал ребенка с такой опаской, словно боялся, что малейшее лишнее усилие обратит это хрупкое создание в прах.

«И это — Симэнь Чуйсюэ? Тот самый безжалостный Бог меча?»

Лин Сяо заворуженно разглядывал крохотную жизнь в своих руках. Младенец был маленьким, сморщенным и, честно говоря, совсем некрасивым. В нем не угадывалось и тени того ледяного мастера, чей образ запечатлелся в памяти.

Раз уж он дал обещание Вэнь Сяоянь, то сделает всё по высшему разряду. А для идеального исполнения задуманного требовалась подготовка. Перед тем как отправиться в этот мир, Лин Сяо прочел все доступные свитки, пересмотрел все легенды и даже изучил самые странные домыслы о Симэнь Чуйсюэ и Е Гучэне. Их характеры он знал досконально.

И чем больше он узнавал, тем сильнее хмурился. Во-первых, оба — натуры волевые и непоколебимые. Таких людей не сбить с пути, будь ты хоть трижды небожителем: они просто не станут тебя слушать.

Во-вторых — отношения Бога и Бессмертного меча. Кто они друг другу? Друзья, заклятые враги, две стороны одной медали, где одному суждено пасть от руки другого? Финал этой истории Лин Сяо помнил отчетливо: ночь полнолуния, гибель Бессмертного и вознесение Бога.

Как свести таких людей? Как заставить их жить в гармонии? Проштудировав всю историю «Лу Сяофэна», Лин Сяо едва не взвыл от досады. Это казалось невозможным — труднее, чем заставить Чаньэ принять ухаживания Чжу Бацзе!

Он представил, как является им в ночь решающей битвы: верхом на священном облаке, в сиянии божественного света, и изрекает елейным голосом: «Вас связывают узы семи прошлых жизней, вам предначертано быть парой! А ну, бросайте мечи, идите по домам, женитесь и рожайте детей! Убивать — это плохо, очень плохо!»

Бр-р, мороз по коже. Его же просто на куски изрубят.

Что же делать? Лин Сяо размышлял три дня, извел кучу нервов и даже лишился нескольких лисьих волосков, пока не нашел выход.

С двумя взрослыми тридцатилетними мужчинами сладить трудно. Но что, если взяться за них, пока они еще дети? Когда эти карапузы и слова-то выговорить не могут, он волен лепить из них

всё, что пожелает.

Он трижды рассмеялся, запрокинув голову, втайне восхищаясь собственной гениальностью. Пусть это займет время, зато результат гарантирован! К тому же в Небесных чертогах смертная скука, а воспитать легендарных героев — забава не из худших. Он ведь еще никогда не нянчил детей.

Лин Сяо осторожно коснулся пальцем пухлой красной щечки младенца, хитро улыбнувшись.

«Не бойся, малыш. Я выращу из тебя такого венценосного лидера, что все красавцы мира будут за тобой бегать!»

Словно предчувствуя, как круто изменится его судьба, новорожденный Бог меча жалобно захныкал. Тонкий, слабый голосок заставил бы дрогнуть даже самое черствое сердце. Лин Сяо встревоженно нахмурился, принявшись укачивать ребенка.

— Ну чего ты, маленький? Не плачь. Что-то болит?

Плач не утихал. Младенец забавно кривил алым ротиком. Лин Сяо в панике протянул сверток сидящему перед ним человеку в черном.

— Посмотри скорее, что с ним не так?

Человек, чьи одежды запеклись от крови, по-прежнему сжимал руку покойной жены. Он не двигался, не дышал, казалось, даже не моргал.

Лин Сяо недовольно цокнул языком.

— Мертвых не воротить, прими это как должное. Твоя жена ушла, и здесь уже ничего не поправить. Но у тебя остался сын. Если ты и дальше будешь утопать в своем горе, что станет с ним? Ради него ты должен взять себя в руки и вспомнить о долге отца.

Говоря это, Лин Сяо немного кривил душой. Не то чтобы он совсем не мог спасти женщину — изменить предначертанное непросто, но в этом мире его сил хватило бы, пожелай он того по-настоящему. Вот только зачем? Эта смертная не имела к нему никакого отношения, разве что была матерью его будущего ученика. К тому же, останься она жива, это могло помешать его планам. А делать то, что не приносит пользы, Лин Сяо не привык.

Однако его искреннее (по его меркам) увещание осталось без ответа. Лин Сяо начал терять терпение. Он никогда не отличался кротким нравом и сдерживался лишь ради будущего ученика, но этот жалкий смертный проявлял вопиющую неблагодарность.

Он протянул руку и крепко хлопнул мужчину по плечу.

— Ты!..

Не успел он договорить, как сидевший в величественной позе человек с глухим стуком повалился на пол.

Лин Сяо посмотрел на свою ладонь, затем на неподвижное тело, и, наконец, перевел взгляд на младенца.

— Я не давил, — невинно пробормотал он. — Честное слово.

Когда Юй Лоча пришел в себя, ему показалось, что он попал в другое место. Толстый слой пыли исчез, густая паутина испарилась, тела убитых им людей исчезли, и даже разбитые в щепки двери сменились новыми. Только старая, облупившаяся статуя Будды без одной руки подтверждала: это всё тот же заброшенный храм.

— Проснулся? — раздался чистый, звонкий голос.

Юй Лоча внутренне напрягся. С его мастерством он не услышал ни единого шага, а значит, пришедший обладал невероятной силой. Он обернулся и увидел юношу в белых одеждах. Тот одной рукой прижимал к себе расшитую пионами пеленку, а другой тащил за лапы связанную белую волчицу.

Лин Сяо небрежно бросил добычу на пол. Волчица болезненно взывала.

От этого звука младенец в свертке завозился и скривился, явно собираясь залить храм горячими слезами. Лин Сяо тут же принялся его укачивать, ласково похлопывая по спине. Носком сапога он угрожающе ткнул волчицу; та сжалась, шумно и затравленно сопя.

Ребенок успокоился и снова уснул. Лин Сяо мысленно отер несуществующий пот со лба.

«Дети — это, право слово, самое опасное оружие в подлунном мире!»

Он на цыпочках подошел к Юй Лоча и шепотом спросил:

— Ну как ты? Полегчало? Еще что-то болит?

Юй Лоча коснулся повязок на груди. Он чувствовал, что внутренние раны, накопленные за

месяц бегства от погони, почти затянулись. Его взгляд потемнел.

— Благодарю за спасение, господин.

Лин Сяо отмахнулся:

— Пустяки, не стоит благодарности! — «Если не буду к тебе добр, как мне забрать твоего сына?» — Он радушно улыбнулся и протянул сверток. — Вот, держи своего наследника. Красавец, правда?

Красавец? Глядя на сморщенное красное личико, Юй Лоча не нашел в нем ничего примечательного. Однако он бережно принял ребенка. Это его сын? Ощувив в руках хрупкое, почти невесомое тельце, он испытал странный, незнакомый трепет. Его сын... Сын Юй Лоча!

Он хотел коснуться щечки младенца, но рука замерла на полпути. Пальцы были покрыты коркой запекшейся крови, грязь и запах смерти под ногтями резко контрастировали с безмятежным сном ребенка.

Он опустил руку, скрывая ладонь в широком рукаве.

— Позвольте спросить, господин... где тело моей жены?

Лин Сяо кивнул в сторону:

— Там, за статуей. Я прикрыл её соломой.

Юй Лоча невольно взглянул на обветшалый, но величественный лик Будды, замер на мгновение, а затем глухо произнес:

— Поступки господина... весьма необычны.

Лин Сяо лишь улыбнулся. Он не был буддистом, не почитал Татхагату и не собирался менять веру, так что оставить покойницу за спиной истукана не казалось ему кощунством.

«Впрочем, этот человек ведет себя любопытно», — подумал Лин Сяо, потирая подбородок.

— Ты больше не горюешь? — прищурился он. — Утром на тебе лица не было, а сейчас ты так быстро оправился.

— Скорбь ничего не исправит, — голос мужчины прозвучал пугающе спокойно. — Она не вернет мертвых и не поможет мне отомстить.

«Оно и видно. Яблоко от яблони... Неудивительно, что Симэнь Чуйсюэ вырастет таким ледяным. Кровь — великая сила».

Лин Сяо непринужденно уселся прямо на пол, не обращая внимания на потемневшее лицо отца, и уверенно забрал маленького Бога меча себе. Он порылся в широком рукаве, достал несколько сочных плодов и разложил их перед Юй Лоча.

— Сначала вымой руки, потом поешь.

Юй Лоча застыл, с неохотой глядя на сына, но затем молниеносно исчез.

Лин Сяо проводил его взглядом и вздохнул. Дело предстояло непростое. Он с хрустом откусил плод, нахмутив густые брови.

Юй Лоча вернулся быстро: руки чисты, лицо отмыто, а с мокрых волос еще поднимался пар. Он сел на прежнее место и принялся за еду. Плоды оказались на редкость сладкими.

Утолив первый голод, Юй Лоча склонился над спящим сыном. Его сердце смягчилось, и он уже потянулся было, чтобы прижать кроху к себе...

Но Лин Сяо преградил ему путь, обезоруживающе улыбнувшись:

— Ты еще слаб после ран. Давай лучше я его подержу.

Лицо Юй Лоча стало чернее тучи. Внутри него всё клокотало: «Это мой сын! Мой! Неужели я, отец, не имею права его обнять? Я подержал его всего мгновение, не смей забирать его у меня!»

Но вслух он не посмел возразить. Даже если не брать в расчет непостижимое мастерство незнакомца, он был обязан ему жизнью — и своей, и ребенка. К тому же было видно, что этот человек искренне привязался к малышу.

Он заставил себя отвести взгляд от личика сына. Видеть, но не иметь возможности коснуться — пытка не из легких.

— Я никогда не забуду вашей доброты, господин, — произнес он, сохраняя изысканную вежливость. — Могу ли я узнать ваше имя?

— Лин Сяо, — юноша вскинул брови. — А ты?

Юй Лоча опустил глаза, и в его голосе прорезались опасные нотки:

— Юй. Моя фамилия Юй. И зовут меня Юй Лоча!

— Юй Лоча? — Лин Сяо удивился. — Каким родителям придет в голову дать ребенку столь зловещее имя?

— Старые имена забыты. С этого дня я — лишь Юй Лоча. Лоча. И я заставлю тех, кто истребил мой род, заплатить стократную цену.

— А как же он? — Лин Сяо указал на младенца. — Ты и его превратишь в Лочу, не знающего ничего, кроме мести?

— Разумеется, нет! — отрезал Юй Лоча, и вся его жажда крови мгновенно испарилась, стоило ему взглянуть на сверток. — Я найду надежное место. Он вырастет в безопасности, здоровым и счастливым.

Лин Сяо удовлетворенно кивнул. Кто бы мог подумать, что будущий глава Западного Демонического культа и величайший тиран окажется таким нежным отцом? Это упрощало задачу.

Он негромко кашлянул и, приняв самый благообразный вид, проговорил:

— Знаешь, тебе не нужно искать другое место. Почему бы не отдать его мне?

Юй Лоча внутренне напрягся, но голос его остался ровным:

— Что господин имеет в виду?

— Я хочу взять ученика, — пояснил Лин Сяо. — У этого ребенка блестящие задатки, из него выйдет великий мастер. Но главное — у нас с ним особая связь. Он пришел в этот мир через мои руки, и он мне по душе.

Юй Лоча подпер подбородок рукой, погрузившись в глубокое раздумье.

Лин Сяо бросил на него быстрый взгляд и добавил:

— Пока я жив, никто не посмеет тронуть его даже пальцем.

— Хорошо! — Юй Лоча решительно встал и отвесил глубокий поклон. — В таком случае, я веряю своего сына вам, господин.

<http://bllate.org/book/17402/1653352>